

## СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ (КРОССНАЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

---

*ЗЕЛИКОВА Юлия Александровна – кандидат социологических наук, научный сотрудник Лаборатории сравнительных социальных исследований НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург) (E-mail: jzelikova@hse.spb.ru).*

---

**Аннотация.** *Анализируются факторы, определяющие уровень субъективно-го благополучия людей старше 60-ти лет на основе данных пятой волны проекта WorldValueSurvey (2005–2008 гг.). Установлено, что наиболее сильно на уровень субъективного благополучия в пожилом возрасте влияют удовлетворенность финансовым положением (а не абсолютное значение дохода), положительная оценка своего здоровья, самостоятельность в принятии решений и способность устанавливать благоприятные отношения с окружением. Для высокого уровня субъективного благополучия в пожилом возрасте важны характеристики страны, такие как ВВП на душу населения, уровень демократии, равенства, свободы и толерантности.*

**Ключевые слова:** *субъективное благополучие • пожилые люди • кросснациональный анализ • переменные • возраст • гендер • доход • семейное положение • социально-экономический статус • здоровье*

**Введение.** В течение XX в. существенно изменилась структура населения и продолжительность жизни во всех странах, особенно в развитых. Увеличилась средняя продолжительность жизни, улучшилось состояние здоровья населения, что привело к увеличению жизни людей на пенсии. В странах ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития) средняя ожидаемая продолжительность жизни мужчин на пенсии составляет 17,9 года, а женщин – 22,8 года. Э. Гидденс описывает это явление в терминах поздней модерности как результат процессов модернизации [Giddens, 1991]. Другие исследователи говорят, что это движение к “разрушению капитализма” [Lash, Urry, 1987]. В любом случае, такие изменения влекут за собой серьезные последствия и вызовы для общества.

По данным Росстата в 2010 г. доля людей старше 65 лет в России достигла 13%, что позволяет отнести Россию к странам со старым населением. Процесс старения населения в России идет более высокими темпами, чем в развитых странах. В период с 1959 по 2002 гг. общая численность населения России увеличилась примерно на 25%, а доля пожилых людей – в 2,5 раза [Сафарова, 2005]. В 2000-х гг. в России наблюдалось снижение доли пожилого населения, так как когорта, рожденных во время Второй мировой войны, была очень малочисленной. Однако к 2010 г. большое послевоенное поколение достигло возраста 65 лет, что сразу увеличило долю пожилых людей. Предполагается, что эта доля достигнет 20% в 2040 г. [Gavrolova, Gavrilov, 2009]. В период между двумя переписями (2002 и 2010 гг.) пропорция молодого населения (до 20 лет) сократилась на 4,1%, а пропорция пожилого населения (старше 60 лет) увеличилась на 2,1%. Средний возраст населения увеличился на три года.

Подобные демографические процессы характерны для всех посткоммунистических стран. В соответствии с прогнозами IIASA, с 2000 по 2050 гг. доля людей старше

60 лет в мире увеличится с 10 до 22%, а в Западной Европе – с 20 до 35% [Lutz et al., 2001]. Пропорция населения старше 60 лет в Восточной Европе к этому времени будет примерно такая же, как и в Западной Европе. Однако в России пропорция пожилого населения останется относительно низкой по сравнению с другими европейскими странами.

В статье рассматривается субъективное благополучие пожилых людей, как показатель того, насколько общество готово отвечать на растущие потребности своих членов. Мы старались выйти за рамки традиционного понимания старости, как времени болезней, физической и когнитивной недееспособности, и, используя методы количественного анализа, найти общие закономерности в жизни пожилых людей.

В последнее время, понятие “успешное старение” все чаще появляется в социологической литературе. Впервые его ввели исследователи Роу и Кан [Rowe, Kahn, 1998]. Их определение включает в себя три критерия: низкий уровень заболеваемости, высокий уровень физических и умственных возможностей и активная социальная жизнь. На первый взгляд, эти характеристики хорошо подходят, чтобы использовать их как индикаторы успешного старения. Но с нашей точки зрения, это определение, во-первых, не учитывает субъективное восприятие благополучия, во-вторых, предполагает, что если пожилые люди имеют болезни и не могут вести активный образ жизни, то их старение является неуспешным. Этот вывод противоречит результатам эмпирических исследований, которые показывают, что многие люди имеют высокий уровень субъективного благополучия, несмотря на болезни и другие физические и социальные проблемы.

Мы рассматриваем *успешное старение как синоним понятий качество жизни, удовлетворенность жизнью и субъективное благополучие* в поздний период жизни. Основной целью нашего исследования является поиск факторов успешного старения как на индивидуальном уровне, так и на уровне стран. Эмпирической базой данного исследования является пятая волна исследования World Values Survey, которая проходила в 2005–2008 гг. и включала в себя результаты опроса в 57 странах.

**Теоретические основания исследования.** Субъективное благополучие – это индикатор, который показывает, насколько позитивно человек оценивает качество своей жизни. Большинство современных опросов используют один прямой вопрос “насколько вы удовлетворены своей жизнью” или “насколько вы счастливы в целом”, и многие исследователи считают, что один вопрос оценивает субъективное благополучие не хуже, чем комплексные формулировки [Veenhoven, 1993].

Большая часть литературы посвящена оценке валидности и надежности данных, полученных с помощью самооценки благополучия. Результаты распределения ответов на вопрос об удовлетворенности жизнью не демонстрируют значительных смещений в сторону социально-желательных ответов. Они показывают стабильность во времени, хотя есть некоторые неслучайные различия, связанные с позитивными и негативными событиями в жизни человека [Myers, Diener, 1995]. Кроме этого, по результатам исследования, люди, которые более удовлетворены своей жизнью, демонстрируют поведение, которое обычно подразумевается при высокой оценке удовлетворенности жизнью: они более активны, чаще смеются и улыбаются [Watson, Clark, 1991; Myers, 1993]. Индивидуальная оценка своей удовлетворенности также имеет высокую корреляцию с внешней оценкой человека со стороны друзей и членов семьи, а также медицинской оценкой состояния здоровья [Myers, Diener, 1997].

Винховен детально изучал научные опасения, связанные с возможностью использовать оценку удовлетворенности жизнью с помощью самооценки [Veenhoven, 2005]. В результате он пришел к выводу, что эти сомнения можно отбросить. Большинство исследований показывают, что прямой вопрос измеряет субъективную удовлетворенность валидно [Veenhoven, 1997b: 157].

Однако в кросс-культурных исследованиях возникает другая проблема, которая связана с возможностью сравнивать данные разных стран. Есть два главных возражения против возможности такого сравнения. Первое возражение связано с лингви-

стическими барьерами. Такие слова как “удовлетворенность” и “счастье” имеют определенные смысловые нюансы и коннотации, которые различаются в разных языках, что, естественно, создает сложности для сравнения. Винховен утверждает, что есть очень мало причин для таких сомнений. Если упорядочить данные об уровне удовлетворенности жизнью и уровнем счастья в разных странах, то на национальном уровне различия практически не заметны, и рейтинг стран по этим показателям совпадает с рейтингом условий жизни, что свидетельствует о надежности опросных данных. Кроме этого, Винховен (также как и Инглехарт) считает, что средний уровень удовлетворенности внутри многоязыковых стран не зависит от языка [Veenhoven, 1993, 1996, 1997a, b].

Вторая проблема связана с тем, что в некоторых культурах считается неприличным быть удовлетворенным собственной жизнью. В этих странах мы должны ожидать более низкие значения в ответах об удовлетворенности жизнью, что делает сравнение между странами невозможным. С помощью различных статистических тестов, Винховен сравнивал среднее значение удовлетворенности в странах, где опросы показывали, что счастье имеет большое значение в иерархии ценностей с удовлетворенностью в странах, где этого нет, и не нашел различий [Veenhoven, 1993, 1996, 1997a, b].

**Гипотезы исследования.** Термины “субъективное благополучие”, “счастье” и “удовлетворенность жизнью” часто используются как синонимы. Тем не менее, ряд исследователей полагает, что между этими понятиями есть концептуальные различия. Ключевым фактором, описывающим эти различия, является стабильность [George, 2006]. Удовлетворенность жизнью понимается как относительно стабильное отношение к жизни, а счастье рассматривается как понятие менее стабильное и более эмоциональное.

В данном исследовании мы рассматриваем субъективное благополучие как комбинацию переменных “счастье” и “удовлетворенность жизнью”. Наша зависимая переменная для анализа успешного старения – это индекс субъективного благополучия людей старше 60-ти лет, который строится по методике Инглхарта и Вельцеля [Inglehart, Welzel, 2005] и принимает значения от 0 до 1.

Кэмпбелл, Конверс и Роджерс были первыми, кто показал, что пожилые люди, в среднем, удовлетворены своей жизнью [Campbell et al., 1976]. Эта модель была подтверждена во многих последующих исследованиях [Steverink et al., 2001; Mroczek, Spiro, 2005].

Инглхарт исследовал совместный эффект влияния пола респондента и его возраста на уровень субъективного благополучия, используя данные 65 стран [Inglehart, 2002]. Его результаты показали: пол влияет на субъективное благополучие, но модель не совсем ясна, если не оценивать взаимодействия между полом и возрастом. Например, до 45 лет женщины декларируют более высокий уровень субъективного благополучия, чем мужчины. Однако, после 45 лет ситуация меняется, и более высокий уровень благополучия декларируют мужчины. Этот разрыв увеличивается с возрастом. Другие исследователи, например, Бари, Джинн и Арбер [Bury, 1995; Ginn, Arber, 1999] высказывали мнение о том, что гендерное измерение старения и пожилого возраста несущественно. Наша гипотеза заключается в том, что уровень субъективного благополучия у женщин после 60-ти лет ниже, чем у мужчин в этом же возрасте.

По данным разных исследований, женатые люди во всех возрастах декларируют более высокий уровень субъективного благополучия, чем неженатые [Pinquart, Soerensen, 2001]. Тем не менее, есть свидетельства, которые показывают, что эта зависимость имеет более сложный характер. Так, Джордж и его коллеги [George et al., 1985] выявили, что семейный статус менее сильный предиктор субъективного благополучия для людей старше 65 лет, чем для людей в возрасте от 40 до 64 лет. В данном исследовании мы также предполагаем, что пожилые женатые люди имеют более высокий уровень субъективного благополучия.

Ряд исследований показывает, что для людей среднего и молодого возраста, доход является самым сильным и практически единственным предиктором субъективного благополучия [Campbell et al., 1976]; для людей пожилого возраста доход обычно занимает второе место. Другие исследователи, например, Пинкуарт и Соеренсен [Pinquart, Soerensen, 2000] показали, что образование и доход в значительной степени определяют уровень субъективного благополучия в пожилом возрасте, причем, доход – более сильная переменная. Мы проверили эту гипотезу в нашем исследовании.

Есть ряд предикторов субъективного благополучия, значимость которых, уже доказана в предыдущих исследованиях. К ним можно отнести: состояние здоровья [Bowling et al., 2002; Kirby et al., 2004; Morris, 1997; Windle, Woods, 2004], социальные связи и социальную поддержку [Hinkikka et al., 2000], чувство контроля над своей жизнью [Bisconti, Bergeman, 1999] и удовлетворенность материальным положением [Jakobsson et al., 2004; Morris, 1997]. Все эти факторы включены в нашу модель для того, чтобы понять силу их влияния на субъективное благополучие людей в пожилом возрасте.

Кроме объективных условий жизни, наша модель учитывает влияние социокультурного, политико-экономического и исторического контекста, в котором живет человек, на его субъективное благополучие. Наша гипотеза состоит в том, что геополитические особенности региона тесно связаны с уровнем субъективного благополучия.

Для учета геополитических особенностей региона в нашей модели используется культурная карта мира, разработанная Инглхартом и Вельцелем на основе результатов опросов World Value Survey [Inglehart, Welzel, 2005]. Она позволяет объединять страны с близким уровнем модернизации, в отдельные геополитические группы. Выделены: (1) протестантские страны Европы; (2) бывшие коммунистические страны; (3) бедные африканские и южно-азиатские страны; (4) латиноамериканские страны; (5) страны католической Европы; (6) конфуцианские страны; (7) англоговорящие страны<sup>1</sup>.

**Аналитическая стратегия исследования.** Для определения факторов, детерминирующих уровень субъективного благополучия в пожилом возрасте, в данном исследовании применяется регрессионный анализ. На первом этапе, используя данные 5 волны World Value Survey (57 стран), была сформирована общая подвыборка людей старше 60 лет. Для этой подвыборки строилась регрессионная модель, где зависимой переменной было индивидуальное значение индекса субъективного благополучия. Цель регрессионного анализа на данном этапе состояла в том, чтобы, во-первых, проверить гипотезы и выявить факторы, которые влияют на индивидуальный уровень субъективного благополучия в пожилом возрасте, а, во-вторых, определить силу влияния этих факторов.

Все переменные, которые использовались в регрессионном анализе в качестве независимых, являлись либо метрическими, либо дихотомическими переменными. Для того, чтобы иметь возможность сопоставлять силу их влияния, все метрические переменные были перекодированы по шкале от 0 до 1.

Проверка гипотез требует, чтобы каждый набор переменных последовательно включался в регрессионное уравнение. Согласно логике последовательного включения, в модель по очереди вводились переменные, характеризующие (1) демографические характеристики индивида, (2) состояние здоровья и материального положения, (3) социальные связи респондентов, а также психосоциальные характеристики, и (4) принадлежность к тому или иному геополитическому региону. Решение

---

<sup>1</sup> Протестантские страны Европы: Норвегия, Финляндия, Швеция, Нидерланды, Германия, Швейцария; посткоммунистические страны: Россия, Украина, Белоруссия, Молдова, Польша, Венгрия, Румыния, Хорватия, Сербия, Босния и Герцеговина, Чехия, Словакия, Словения, Грузия; страны Африки и Азии: Иран, Ирак, Индия, Мали, Зимбабве, Гана, Нигерия, Южная Африка; Латиноамериканские страны: Чили, Аргентина, Бразилия, Колумбия, Венесуэла, Мексика, Перу; конфуцианские страны: Тайвань, Южная Корея, Китай, Япония; страны католической Европы: Франция, Италия, Испания; англоговорящие страны: США, Канада, Новая Зеландия, Австралия, Великобритания.

о включении в финальную модель того или иного фактора принималось на основе данных о значимости регрессионных коэффициентов и по значению коэффициента детерминации.

На втором этапе анализа, после выявления наиболее сильных детерминантов субъективного благополучия на индивидуальном уровне, было построено семь регрессионных моделей для каждого геополитического региона отдельно. Цель второго этапа – выявить различия во влиянии тех или иных факторов на субъективное благополучие пожилых людей, которые связаны с геополитическими особенностями регионов.

**Результаты исследования.** В табл. 1 представлены стандартизированные оценки коэффициентов регрессии для каждой стадии анализа субъективного благополучия людей старше 60-ти лет.

Базовая модель показывает позитивное влияние возраста на уровень субъективного благополучия пожилых людей. Женатые пожилые люди имеют значительно более высокий уровень субъективного благополучия по сравнению с овдовевшими, разведенными людьми и людьми, которые никогда не состояли в браке. Гендер не является значимой переменной на данной стадии анализа, но уже в следующей модели, а также в финальной модели эта переменная становится значимой. В целом, демографические характеристики объясняют только 2% дисперсии субъективного благополучия пожилых людей.

На второй стадии анализа мы проверяем влияние на уровень субъективного благополучия финансовой обеспеченности пожилых людей и их достижений в сохранении здоровья, которые являются самыми сильными предикторами уровня субъективного благополучия. Важно отметить, что удовлетворенность финансовым положением в данной модели является более сильным предиктором, чем уровень дохода.

Социальные связи и поддержка семьи и друзей очень важны для объяснения высокого уровня субъективного благополучия в поздний период жизни. Степень поддержки и важность семьи в жизни человека является более сильным предиктором уровня субъективного благополучия, чем семейный статус. Важность проведения досуга и включенность в жизнь церковной общины, также существенно увеличивает уровень субъективного благополучия.

После включения в анализ показателей, которые характеризуют социальные связи и социальные сети человека, переменная доход перестает быть значимой. Это говорит о том, что достижения в материальном благополучии играют менее важную роль в объяснении уровня субъективного благополучия в поздний период жизни, чем достижения, связанные с формированием человеческих отношений.

Чувство контроля, ощущение, что человек сам управляет своей жизнью, положительно влияет на уровень субъективного благополучия. Эта переменная влияет на уровень их благополучия сильнее, чем социальная поддержка и социальные связи с семьей и друзьями.

Финальная модель, которая включает геополитические регионы, объясняет почти 48% дисперсии субъективного благополучия в пожилом возрасте. Пожилые люди из бывших коммунистических стран имеют самый низкий уровень субъективного благополучия, даже ниже, чем пожилые люди из бедных стран Африки и Азии. Самый высокий уровень субъективного благополучия у пожилых людей из англоговорящих стран (США, Канада, Австралия, Новая Зеландия), а также у пожилых людей из протестантских стран Европы. Этот результат позволяет предположить, что степень модернизации страны значимо влияет на субъективное благополучие пожилых людей. Низкий уровень субъективного благополучия пожилых людей в бывших коммунистических странах – это результат неразвитой системы социальной защиты, большого расслоения общества, социального неравенства и недостаточного развития демократии.

Поскольку региональные особенности оказывают значимое влияние на уровень субъективного благополучия людей в пожилом возрасте, мы построили для каждого геополитического региона свою регрессионную модель. Сравнение региональных

Результаты многомерного регрессионного анализа субъективного благополучия людей старше 60-ти лет (стандартизованные коэффициенты)

Переменные	Начальная модель	+ Удовлетворенность финансовым положением и состоянием здоровья	+Социальные связи	+Чувство контроля	+Геополитические регионы
Возраст	0,038*	0,034*	0,036*	0,037*	0,027*
Гендер (1=женщина)	0,01	0,029*	0,021*	0,026*	0,025*
Семейное положение					
Вдовы/вдовцы (1)	-0,136*	-0,058*	-0,052*	-0,056*	-0,050*
Разведенные (1)	-0,019*	-0,016*	-0,020*	-0,025*	-0,034*
Никогда не состояли в браке (1)	-0,023*	-0,017*	-0,016*	-0,017*	-0,022*
		Достижения			
Удовлетворенность финансовым положением		0,433*	0,416*	0,376*	0,344*
Удовлетворенность состоянием здоровья		0,293*	0,273*	0,252*	0,226*
Доход		0,021*	0,008	0,004	0,009
		Социальные сети и социальная поддержка			
Важность семьи			0,055*	0,050*	0,049*
Важность друзей			0,046*	0,047*	0,041*
Важность досуга			0,082*	0,068*	0,056*
Посещение службы			0,003*	0,028*	0,033*
Чувство контроля				0,190*	0,167*
		Геополитические регионы			
Протестантские страны Европы					0,120*
Бедные страны Африки и Азии					0,078*
Латиноамериканские страны					0,115*
Католическая Европа					0,046*
Конфуцианские страны					0,077*
Англоязычные страны					0,164*
R sq	0,016	0,388	0,402	0,474	0,477
N	9597	9597	9597	9597	9597

Знак \* означает значимость регрессионного коэффициента,  $p < 0,05$ .

Региональные регрессионные модели субъективного благополучия людей старше 60-ти лет (стандартизированные коэффициенты)

Переменные	Протестантские страны Европы	Посткоммунистические страны	Бедные страны Азии и Африки	Латиноамериканские страны	Католическая Европа	Конфуцианские страны	Англоговорящие страны
Возраст	0,58*	0,01	0,032	0,042	0,065*	0,089*	-0,030
Гендер (1=женщина)	0,004	0,054*	0,049*	-0,016	0,010	0,035	0,008
Вдовцы	-0,091*	-0,037	-0,020	-0,74*	-0,114*	-0,044	-0,076*
Разведенные	-0,041*	-0,014	0,005	-0,049	-0,103*	0,013	-0,095*
Не состояли в браке	-0,004	-0,037	0,012	-0,015	-0,109*	0,004	-0,093*
Доход	0,009	0,015	0,056*	0,035	-0,032	0,088*	-0,031
Удовлетворенность доходом	0,283*	0,381*	0,385*	0,236*	0,328*	0,413*	0,250*
Удовлетворенность состоянием здоровья	0,338*	0,210*	0,256*	0,157*	0,254*	0,187*	0,236*
Важность семьи	0,091*	0,053*	0,036*	0,043	0,070*	0,077*	0,061*
Важность друзей	0,067*	0,103*	0,036	0,042	0,060	0,014	0,042
Важность досуга	0,125*	0,023	0,051	0,123*	0,038	0,032	0,091*
Чувство контроля	0,190*	0,096*	0,178*	0,196*	0,210*	0,112*	0,200*
Посещения службы	0,027	0	0,045*	0,019	0,054	0,011	0,048*
R sq	0,353	0,334	0,439	0,233	0,388	0,383	0,293
N	1712	1707	1692	720	715	1238	1385

Знак \* означает значимость регрессионного коэффициента,  $p < 0,005$ .

моделей позволяет нам проанализировать интерактивные эффекты, т.е. понять, как меняется влияние объективных характеристик жизни человека на уровень субъективного благополучия пожилых людей в каждом отдельном геополитическом регионе.

В табл. 2 показаны стандартизированные регрессионные коэффициенты для каждой региональной модели, где видно, что в протестантских странах Европы, т.е. в странах с самым высоким уровнем модернизации, нет гендерных различий в уровне субъективного благополучия. Более того, гендерные различия существуют только в посткоммунистических странах и бедных странах Африки и Азии. Можно сделать вывод, что по мере модернизации шансы мужчин и женщин быть удовлетворенными своей жизнью в пожилом возрасте выравниваются.

Вдовство и разводы снижают уровень субъективного благополучия пожилых людей в странах протестантской Европы, чего нельзя сказать о людях, которые никогда не были в браке, их уровень субъективного благополучия не отличается от уровня субъективного благополучия женатых людей. В этих странах доход не оказывает влияния на уровень субъективного благополучия в пожилом возрасте, влияет только удовлетворенность финансовым положением. Важно, что состояние здоровья является более сильным предиктором уровня субъективного благополучия, чем хорошее финансовое состояние. Этот результат характерен только для пожилых людей из протестантских стран Европы.

В силу высокого уровня секулярных ценностей частота посещения церковных служб не влияет на уровень субъективного благополучия пожилых людей из стран Северной Европы. На их благополучие влияют социальные связи, поддержка семьи и друзей, а также чувство, что они сами определяют свою жизнь.

Пожилые люди из посткоммунистических стран имеют самый низкий уровень субъективного благополучия. При этом женщины из бывших коммунистических стран в пожилом возрасте более удовлетворены своей жизнью, чем мужчины. Возможно, это связано с тем, что с возрастом они приобретают новые социальные роли, например, роль бабушки, свекрови, которые имеют высокий статус в культуре этих стран.

Кроме этого, феминизация процесса старения населения является результатом того, что в большинстве стран уровень смертности среди женщин во всех возрастных группах ниже, чем уровень смертности среди мужчин. Этот феномен особенно актуален для России и других странах бывшего Советского Союза, о чем свидетельствуют различия в продолжительности жизни у мужчин и женщин. В 2005 г. в России было 16,8 млн женщин старше 60 лет и 8,4 млн мужчин старше 60 лет. Это самое низкое соотношение мужчин и женщин в Европе (50 мужчин на каждые 100 женщин) [Gavrilova, Gavrilov, 2009].

Доход не влияет на уровень субъективного благополучия пожилых людей в посткоммунистических странах, так как большинство пожилых людей имеют примерно одинаковый низкий доход. На уровень субъективного благополучия влияет только удовлетворенность своим финансовым состоянием и состоянием здоровья, поддержка семьи и друзей, чувство контроля над своей жизнью.

В странах Африки и Азии благодаря высокому уровню традиционных и религиозных ценностей уровень субъективного благополучия пожилых людей зависит от их религиозности и включенности в жизнь церковной общины. Возраст и семейный статус не оказывают столь высокого влияния. Во многих бедных странах Африки и Азии низкая продолжительность жизни, так что большая часть населения не доживает до пожилого возраста. Для пожилых людей из бедных стран важен доход в абсолютном значении, а не просто удовлетворенность своим финансовым положением, что отличает их от пожилых людей из других стран.

В латиноамериканских странах люди в старшем возрасте имеют довольно высокий уровень субъективного благополучия, и он мало зависит от объективных обстоятельств жизни человека. Возраст, гендер, доход, семейное положение (за исключением вдовства) практически не влияют на удовлетворенность жизнью пожилых



людей. Социальные связи с семьей, друзьями, включенность в жизнь религиозной общины также не оказывают влияние на уровень субъективного благополучия пожилых людей. Удовлетворенность жизнью в странах Латинской Америки зависит только от удовлетворенности финансовым положением, от состояния здоровья, от того, как человек проводит досуг и насколько он управляет своей жизнью.

Уровень субъективного благополучия пожилых людей в католических европейских странах зависит примерно от тех же факторов, что и в англоязычных странах. Семейный статус повышает уровень субъективного благополучия, различий между женщинами и мужчинами в удовлетворенности своей жизнью нет, доход не оказывает существенного влияния.

В англоговорящих странах Нового Света не наблюдается влияние возраста на уровень субъективного благополучия. Тогда как в католических европейских странах чем старше человек, тем более он удовлетворен своей жизнью и менее ценит свой досуг. Все это говорит о том, что в англоговорящих странах пожилые люди вынуждены подражать в образе жизни более молодым людям, а в католических странах Европы люди в почтенном возрасте пользуются уважением, и у них свой образ жизни.

В конфуцианских странах на удовлетворенность жизнью пожилых людей влияет доход, причем как его абсолютное значение, так и субъективная удовлетворенность своим финансовым состоянием, состоянием здоровья и социальные связи с семьей. Семейный статус на субъективное благополучие пожилых людей в этих странах не оказывает влияние, так же как поддержка друзей и возможность проведения досуга.

Результаты исследования субъективного благополучия пожилых людей на индивидуальном уровне позволяют сделать вывод, что чем выше уровень модернизации страны, тем больше факторов влияет на уровень субъективного благополучия в поздний период жизни. В ходе процесса модернизации для успешного старения все большее значение получают факторы, которые характеризуют стиль жизни человека – социальные связи, возможность проведения досуга, возможность выбирать и контролировать свою жизнь; и меньшее значение приобретают демографические характеристики – гендер, этничность и возраст.

**Выводы.** Результаты исследования свидетельствуют: старшее поколение нельзя описывать только в терминах болезни и бедности. Для многих людей старость – это время самореализации, интересного досуга, новых отношений с людьми и эмоциональных переживаний.

В странах с низким уровнем модернизации удовлетворенность жизни пожилых людей зависит от уровня дохода. В более развитых странах значение имеет только удовлетворенность финансовым положением. В странах с самым высоким уровнем модернизации удовлетворенность финансовым положением уступает первое место таким показателям, как состояние здоровья и возможность определять свою жизнь. Социальные связи и поддержка семьи и друзей очень важны для успешного старения. А возможность управлять своей жизнью является более важным условием успешного старения, чем социальные сети и социальная поддержка. Следует отметить, что возможность выбора является также результатом процесса модернизации общества.

И наконец, большое значение для благополучия пожилых людей имеет уровень демократии, свободы и толерантности страны, в которой они живут. В ходе процесса модернизации у людей формируется желание жить долго, активно, интересно и счастливо. Общество должно понимать эти потребности и предоставлять возможности для их реализации. Только в этом случае мы можем говорить об успешном старении.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Сафарова Г. Демографические аспекты старения населения в России // Отечественные записки. 2005. № 3. С. 45–58.
- Bisconti T.L., Bergeman C.S. Perceived social control as mediator of the relationships among social support, psychological well-being, and perceived health // *The Gerontologist*. 1999. 39(1). P. 94–103.
- Bowling A., Banister D., Sutton S., Evans O., Windsor J. A multidimensional model of quality of life in older age // *Aging and Mental Health*. 2002. P. 355–371.
- Bury M. Ageing, gender and sociological theory. Connecting Gender and Ageing. Buckingham: Open University Press, 1995. P. 5–30.
- Campbell A., Converse P.A., Rodgers W.L. The quality of American life. New York: Russell Sage Foundation, 1976.
- Gavrilova N., Gavrilov L. Rapidly Aging Populations: Russia/Eastern Europe // P. Uhlenberg (ed.), *International Handbook of Population Aging*, Springer, 2009&
- George L.K., Okun M.A., Landerman R. Age as a moderator of the determinants of life satisfaction // *Research on Aging*. 1985. № 7. P. 209–233.
- George L.K. Perceived quality of life // R.H. Binstock, L.K. George (eds.). *Handbook of aging and the social sciences*, sixth edition. San Diego, CA: Academic Press, 2006. P. 320–336.
- Giddens A. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Cambridge: Polity, 1991.
- Ginn J., Arber S. The politics of old age in the UK // Walker A., Naegle G. (eds.). *Politics of Old Age in Europe*. Buckingham: Open University Press, 1999. P. 168–177.
- Hinkikka J., Koskela, T., Kontula O., Koskela K., Viinamäki H. Men, women and friends: are there differences in relation to mental well being? // *Quality of Life Research*. 2000. № 9. P. 841–845.
- Inglehart R. Gender, aging, and subjective well-being // *International Journal of Comparative Sociology*. 2002. № 43. P. 391–408.
- Inglehart R.C. *Welzel. Modernization, Cultural. Cliange and Democracy*. New York: Cambridge University Press, 2005.
- Jakobsson U., Hallberg J.R., Westergren A. Overall and health related quality of life among the oldest old in pain // *Quality of Life Research*. 2004. № 13. P. 125–136.
- Kirby S.E., Coleman P.G., Daley D. Spirituality and well-being in frail and non-frail older adults. *Journal of Gerontology: Psychological Sciences*. 2004. № 59. P. 123–129.
- Lash S., Urry J. *The End of Organised Capitalism*. Blackwell, London, 1987.
- Lutz W., Sanderson W., Scherbov S. The end of world population growth // *Nature*. 2001. № 412. P. 543–545.
- Myers D. *The pursuit of happiness*. New York: Avon Books, 1993.
- Myers D., Diener E. Who is Happy? // *Psychological Science*. 1995. № 6. P. 10–90.
- Myers D., Diener E. The science of happiness // *The Futurist*. 1997. № 31. P. 27–33.
- Morris D.C. Health, finances, religious involvement, and life satisfaction of older adults // *Journal of Religious Gerontology*. 1997. № 10. P. 3–17.
- Mroczek D.K., Spiro A. Change in life satisfaction during adulthood: Findings from the Veterans Affairs Normative Aging Study // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2005. № 88. P. 189–202.
- Rowe J.W., Kahn R.L. *Successful aging*. New York: Pantheon Books, 1998.
- Steinerink N., Westerhof G.J., Bode C., Dittmann-Kohli F. The personal experience of aging, individual resources, and subjective well-being // *Journal of Gerontology: Psychological Sciences*. 2001. № 56B. P. 364–373.
- Pinquart M., Soerensen S. Influences of socioeconomic status, social network, and competence on subjective well-being in later life: A meta-analysis // *Psychology and Aging*. 2000. № 15. P. 187–224.
- Pinquart M., Sörensen S. Influences on loneliness in older adults: A meta-analysis // *Basic and Applied Social Psychology*. 2001. № 23(4). P. 245–266.
- Veenhoven R. *Happiness in nations*. Rotterdam: Risbo, 1993.
- Veenhoven R. Developments in satisfaction research // *Social Indicators Research*. 1996. № 37. P. 1–46.
- Veenhoven R. Advances in understanding happiness // *Revue Quebecoise de Psychologic*, 1997a. № 18. P. 29–74.
- Veenhoven R. Quality of life in individualistic societies // M.-J. DeJong, A.C. Zijderveld (Eds.). *The gift of society*. 1997b. P. 149–170.
- Veenhoven R. Well-being in nations and well-being of nations: Is there a conflict between individual and society. Social Indicators United States and Germany // *Journal of Gerontology: Social Sciences*. 2005. № 60. P. 129–136.
- Watson D., Clark L. Self Vs. peer ratings of specific emotional traits // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1991. № 60. P. 927–940.
- Windle G., Woods R.T. Variations in subjective well-being: The mediating role of a psychological resource // *Aging and Society*. 2004. № 24. P. 583–602.